

УДК 340.141(470.2)

**ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ПОДДЕРЖАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены проблемы функционирования норм обычного права в северной деревне. Выявлено, что народные представления о законности и справедливости сочетались с регулярным применением российских законов, существенным образом дополняя их. Появление и начало активной деятельности в селах Олонецкой губернии профессиональной полиции постепенно, хотя не радикальным образом, меняло ситуацию. Действие норм государственного права становилось все более стабильным, а освященные веками крестьянские правовые обычаи уходили в прошлое. В то же время формирование кадров и определение основных направлений деятельности сельской полиции происходили под существенным воздействием норм обычного права.

Ключевые слова: крестьяне, девиантность, закон, преступность, полиция, самоуправление.

**CUSTOMARY LAW AND PUBLIC ORDER SUPPORT
BETWEEN THE 18TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES
(ON MATERIALS OF THE OLONETS PROVINCE)**

Pulkin M.V.

The article reviews the problems of the customary law functioning in the northern village. Popular ideas about legality and justice were combined with the regular application of Russian laws significantly complementing them. The appearance and the beginning of the active activity in the villages of the Olonets province of the professional police gradually, though not radically, changed the situation. The effect of the norms of state law became more and more stable, and the time-honored peasant legal traditions were a thing of the past. At the same time the

formation of personnel and the definition of the main activities of rural police occurred under the significant impact of customary law.

Keywords: peasants, deviance, law, crime, police, self-government.

Статья подготовлена в рамках темы «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225-2014-0012.

Нормы обычного права, пришедшие из глубины веков, сохраняли свою актуальность и продолжали действовать в императорской России. В XIX в. обычное право по-прежнему формулировалось как совокупность норм, выработанных самими членами общества. Такие нормы наравне с государственным законом подлежали обязательному выполнению преимущественно в сельской местности [4, с. 47]. В современной исторической науке наиболее подробное изложение основ российского обычного права и закономерностей его применения принадлежит профессору Б.Н. Миронову [9, с. 67-74]. В науке сложилось и сохраняется устойчивое представление о территориальной вариативности норм обычного права. «Однообразное массовое поведение, – пишет Ф. В. Тарановский, – сопровождаемое сознанием его необходимости, может слагаться, помимо внешней регламентации, только в небольших и сплоченных общественных группах, вследствие чего обычное право не охватывает большой территории и разнится по местам» [16, с. 185]. Сегодня имеются вполне успешные локальные исследования норм обычного права, в том числе по материалам Европейского Севера России [13, с. 131–135]. Но Олонецкая губерния и в данной сфере оказалась обделенной вниманием исследователей.

Цель данной статьи состоит в выявлении специфических черт деятельности крестьянских сообществ по поддержанию общественного порядка на основе норм обычного права.

Указанный аспект исследований обычного права сопряжен с существенными трудностями. Российские крестьяне считали нормальным делом и даже «святым своим правом» такие явные нарушения государственного закона как самогоноварение, битье жен, порубку казенного леса. Все перечисленное и многое другое с точки зрения полиции считалось преступлением [3, с. 31]. Практика самочинных расправ над преступниками в русской деревне обуславливалось традиционным крестьянским представлением о неотъемлемом «праве общества карать виновного» [3, с. 106], не прибегая к содействию государственных правоохранительных органов. Нормы обычного права самым непосредственным образом влияли на повседневную жизнь крестьян, подменяя судебное разбирательство в тех случаях, когда оно, казалось, становилось неизбежным. Например, для решения имущественных споров среди северных крестьян действовал так называемый суд земли. При его осуществлении один из спорящих из-за земельного участка «вырывает кусок дерна с землей, полагает его на голову и идет по тому месту, где, по его мнению, должна быть граница смежных пожен. Если носящий на голове землю при обходе захватит край пожни соседа, тот не обижается, добровольно отдает противнику всю обойденную землю» [15, с. 716].

Порядок решения всевозможных споров, унаследованный от далеких времен, оказался весьма устойчивым в крестьянской среде. Эффективная замена общинным институтам и нормам обычного права, связанным с поддержанием общественного порядка, могла слишком дорого обойтись казне. В течение всего доступного для изучения периода в законодательстве сохранялась тенденция, связанная с неуклонным поддержанием полномочий выборных должностных лиц крестьянского самоуправления в трудном деле сохранения «добронравия». Такое положение дел в сфере охраны порядка оказывалось выгодным как государству, так и крестьянским «мирам». Как точно подметил Р. Пайпс: «по сути, деревня управлялась самостоятельно посредством сельских общин». Они несли коллективную ответственность за сбор податей и призыв рекрутов. Крестьяне сами исполняли простейшие

судебные и административные функции. Для государства такой предельно дешевый порядок организации самоуправления оказывался чрезвычайно выгодным, поскольку «не требовал от казны никаких затрат» [12, с. 78].

Современные российские исследования содержат аналогичные характеристики сельской жизни. Историки рассматривают полицию, действующую за пределами городов, как учреждение, носившее промежуточный характер и сочетавшее в себе черты как государственного органа, так и крестьянского самоуправления. Например, известный исследователь истории российской государственности Е.П. Ерошкин утверждает, что волостные и сельские сословные учреждения государственных крестьян являлись «дополнительным и бесплатным звеном к правительственному административно-полицейскому аппарату». Сложившийся на протяжении веков порядок существенно облегчал дело управления государственными крестьянами, «выколачивая из них налогов и повинностей, комплектования армии» [5, с. 147].

Материалы текущего делопроизводства местных органов власти показывают, что крестьяне на протяжении всего доступного для изучения периода самостоятельно расследовали преступления, сурово наказывая тех, кого считали виновными. В 1776 г. в церкви во имя Николая Чудотворца в Линдозерском погосте, как видно из рапорта прихожан, «учинилось грабительство». Вор был задержан, связан и «при собрании лутчих крестьян» начался «по всей справедливости допрос», материалы которого впоследствии оказались в суде [10, ф. 652, оп. 1, д. 5/80, л. 1]. Расправа с виновными также осуществлялась немедленно, практически на месте преступления, по решению и силами односельчан. В мае 1791 г. из дальней отлучки внезапно вернулся домой государственный крестьянин Иван Богданов. Придя домой, он нашел свою жену с соседом Артемьем Семеновым «в прелюбодействе». Во время импровизированного следствия крестьянам удалось получить признательные показания. Неверная супруга и «оной Семенов» в присутствии пятисотского и при собрании «мирских людей» покаяться и «в том прелюбодействе по спросе

признали». Суровая кара последовала незамедлительно. Как писал в своем прошении потерпевший, неверная жена «по приговору мирскому телесно наказана была через пятисотского» [10, ф. 25, оп. 15, д. 3/81, л. 1].

Такая практика закреплялась и в законах. Как говорилось в высочайше утвержденном докладе экспедиции государственного хозяйства, волостные головы и правления обязывались обнародовать все те узаконения, о которых полагалось знать крестьянам. Сельские старосты заботились «о благочинии гражданском, о предосторожностях от прилипчивых болезней, скотского падежа и огня, о починке мостов и дорог». Выборные мирские лица пеклись «о нетерпении злочиния, подозрительных людей и корчемства». Наконец, на волостного голову возлагалась обязанность мирить крестьян во время «маловажных ссор». В случае неудачи в примирении ему надлежало привлечь к делу государственные органы власти, действующие на основании имперских законов: «предоставлять им волю разведываться в судах». Осуществляя свои широкие полномочия по поддержанию порядка, волостной голова обязывался постоянно заботиться и о нуждающихся в попечении местных жителях. Ему следовало «иметь над вдовами и сиротами, равномерно над ленивыми и нерадивыми в хозяйстве опеку, <...> и лично ежемесячно во всех частях их хозяйство осматривать» [11, с. 98-99].

В лице волостных правлений и сельских старост в России действовала «особая, выборная первоначальная полиция». Ее обязанности и ответственность перед законом точно не определялись. Сельская полиция, «в отношениях своих к полиции общей, ограничивается простым исполнением поручений последней». При осуществлении своих обширных обязанностей «по соблюдению тишины и спокойствия в селениях» она должна руководствоваться лишь традиционными нормами или даже просто «собственным усмотрением» [18, с. 212]. По сути дела, такой подход, закрепленный в законе, чаще всего означал санкционированное властью безальтернативное применение норм обычного права. В приписанных к заводам селениях «главная задача сельской администрации заключалась в принуждении крестьян к выполнению заводских

и других повинностей». Но кроме того староста обязывался задерживать беглых и вообще всех беспаспортных. По мере сил он боролся против корчемного винокурения, занимался другими трудными и небезопасными делами, связанными с поддержанием общественного порядка и законности [2, с. 47].

Соотношение старинных неписанных норм обычного права, стабильно сохраняющихся в крестьянских сообществах, и новых требований закона, а также основанных на них судебных решений, оставалось непростым и постепенно, медленно изменялось. Обычное право могло как жестко противостоять законодательным нормам, так или усиливать, адаптировать к конкретной ситуации и существенно дополнять их. Вполне допустимо предположить, что государственное законодательство и крестьянские обычаи существовали параллельно. Северные крестьяне не любили выносить сор из избы. Они нередко самостоятельно решали споры на сходах, минуя суд. Во всяком случае, неизвестный автор записки о «Примеченном образе правления в деревнях разного рода государственных крестьян», составленной в конце XVIII в., писал, что на сходах нередко «определяются прошения о завладении землей <...> которые еще в канцелярии неизвестны». В ускоренном порядке там же решаются многие другие проблемы, способные привести или уже приведшие к девиантным проявлениям в крестьянской среде [1, ф. 3, оп. 1, д. 380, л. 148].

В то же время в начале XIX в. становятся все более частыми ситуации, когда крестьянское самоуправление действует с опорой на судебные органы, обращаясь к ним с просьбой о расследовании даже незначительных преступлений и наказании виновных на основании государственных законов, а не традиционных норм обычного права. Так в 1823 г. Олонецкая палата уголовного суда рассматривала дело о разломанной иконе из божницы одного из крестьян Повенецкого уезда. Инициатором разбирательства стало Семчезерское волостное правление, которое обратилось в суд для выявления виновных силами полиции и соответствующего их наказания. По итогам суда виновный получил девять ударов кнутом [10, ф. 655, оп. 1, д. 84/694, л. 14].

Обобщая разнообразные ситуации, связанные с крестьянским правосудием, современник событий писал: «попавшийся воришка получает должное возмездие или от народной расправы, которая в этом случае ограничивается приличною дозой потасовки, или – от строгой Фемиды, которая, взвесив на весах правосудия проступок, отправляет виновного в “дядин дом”» [6, с. 56].

В конце XIX в. после всех изменений, нацеленных на рост значимости государственных законов и увеличения числа отстаивающих нормы писаного права полицейских, современники событий по-прежнему подчеркивали особую роль сельской общины на севере в решении широкого круга проблем, связанных как с имущественными отношениями и поддержанием общественного порядка, так и с поведением каждого индивида. «Общинный дух очень силен в Олонецкой губернии, – писал А. Лялош, – и нити, связующие олонецких сообщников воедино, сделаны из крепкого материала!» [8, с. 220]. Более того, «в Олонецкой губернии крестьянин благоговеет перед общиной, перед миром» [8, с. 221].

В такой ситуации стабилизирующая роль полиции и судебной системы в сельской местности неизбежно оказывалась заметно ограниченной по сравнению с городом. К помощи профессиональных служителей закона чаще прибегали представители духовенства при столкновениях с радикальными сторонниками старообрядческого вероучения. Иногда полиция и суд решали запутанные вопросы, связанные с конфликтами между духовенством и прихожанами. Для местных крестьян обращение за помощью к полиции оставалось достаточно редким способом решения повседневных проблем. В целом сфера возможностей стражей порядка, постепенно расширяясь в течение изучаемого периода, оставалась незначительной. Она явно не соответствовала требованиям времени, где разнообразные формы преступности распространялись все более ощутимым образом. Здесь мы имеем дело с устойчивой общероссийской закономерностью. По вполне справедливому утверждению американского историка Л.С. Хока, «деревенская Россия первой

половины XIX в. не просто “недоуправлялась” правительством», а по большей части вообще не управлялась [19, с. 7].

К концу XIX в. регулярное участие урядников в разрешении конфликтов, возникающих в сельской местности, стало новым явлением в жизни деревни. Настоятельная потребность в новых полицейских чинах возникала тогда, когда традиционные, проверенные веками способы преодоления конфликтов оказывались малоэффективными. Аналогичные выводы напрашиваются после изучения имеющейся научной литературы. Из трудов предшественников становится ясно, что физические возможности работников полицейского аппарата явно не соответствовали их законодательно определенным полномочиям. Крестьянское самоуправление оставалось существенным подспорьем в деятельности полиции. Нередко крестьяне подменяли полицейских, возлагая на себя функции по охране порядка и наказанию виновных в незначительных правонарушениях. Современники оценивали деятельность сельских стражей порядка резко скептически: «если существовавшая у нас полиция сельская была построена на выборном начале и содержалась на средства крестьянского сословия, то, несмотря на это, она могла только называться полицией коммунальной». Но на самом деле «исключением из общего типа нашей полиции она не была, ибо существовала не в качестве права, а в виде повинности». Ее сохранение в меняющейся системе органов охраны порядка допускалось «не в интересах населения, а по соображениям фискальным», в целях громадной экономии государственных средств. Но сельская полиция «находилась в подчинении органам полиции государства, состояла на службе у него, а не у населения» [7, с. 4].

В течение всего изучаемого периода избрание на низовые должности в составе полицейского аппарата оставалось в компетенции сельского схода. Для самого индивида его избрание могло оставаться как неприятным, так и совершенно неожиданным сюрпризом. Повсюду в России «население в принципе против такой службы ничего не имело». Но когда дело доходило до логической развязки – назначения конкретных лиц, выборы нередко срывались

из-за неизбежных в такой ситуации скандалов [14, с. 99]. Крестьяне по вполне понятным причинам не желали отрываться от своих хозяйств. Альтернативой мог стать поиск желающих заняться охраной общественного порядка за вознаграждение. Но сельское общество категорически не желало возлагать на себя дополнительные расходы на оплату сомнительных услуг доморощенных полицейских. Такая ситуация типична для множества губерний России.

В Олонецкой губернии положение дел оказалось аналогичным. Делами подобного рода прямо-таки изобилуют фонды некоторых органов власти. В 1876 г. крестьяне Великогубской волости Кижского прихода избрали сотским полицейским одного из своих односельчан, с детства проживавшего в Санкт-Петербурге. Столичный житель оказался в крайне тяжелом положении. Все его неоднократные просьбы об отрешении от должности оказались безрезультатными. Тогда несчастный крестьянин «внес за это в общество деньги 35 рублей». Получив значительную сумму, односельчане немедленно освободили его от службы, выбрали на его место другого, менее богатого крестьянина. Средства, вырученные за освобождение от повинности, пошли на общественные нужды. Деньги передали церковному старосте Григорью Егорову и потратили на постройку новой колокольни для местного приходского храма [10, ф. 58, оп. 1, д. 10/64, л. 64].

Разнообразные трудности, присутствующие в деятельности сельской полиции, неизбежно приводили к мысли о необходимости ее реформирования. В начале XX в. сельская полиция подверглась существенным изменениям. Главной целью реформ стало ее усиление и четкое распределение должностных обязанностей входящих в ее состав служителей закона. Как видно из высочайшего повеления об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи, новые полицейские структуры состояли из урядников и стражников. Численность стражей порядка в сельской местности росла, но сохраняли свое значение и местные юридические обычаи. Из материалов начала XX в. известны случаи, когда крестьянское сообщество принимало на себя обязанности полиции, действуя значительно жестче, чем репрессивный

аппарат. Сельский мир издавна «самым решительным образом избавлялся от криминального элемента в своей среде» [3, с. 101].

В конце XIX – начале XX вв. в сельской местности особенно быстро шел процесс роста индивидуализма и распространялось девиантное поведение. Самостоятельно справиться с растущими масштабами преступности крестьянские сообщества все чаще оказывались не в состоянии. Ответ местной администрации на вызов времени оказался двояким. С одной стороны, эпоха перемен вынудила соответствующие структуры, стоящие на страже закона, уделить большее внимание отклоняющемуся поведению, фиксировать и внимательно изучать те или иные нарушения устоявшихся норм. Всевозможные преступления против личности, судя по документам, встречались в истории Европейского Севера постоянно, причем имела отчетливая тенденция к их численному росту, увеличению масштабов, что стало частью общероссийской тенденции. Как писал современник событий, «преступность в пределах Европейской России, несомненно, увеличивается»; она растет «в прогрессии, превышающей рост населения» [17, с. 142].

С другой стороны, данный процесс оказывал воздействие как на структуру органов охраны общественного порядка, так и на численность полиции. На основании имеющихся источников можно отметить, что в губернии, в соответствии с существующим законодательством, происходило постепенное формирование полицейской службы: подбор кадров и наработка эффективных навыков защиты законности. В то же время городские и сельские органы полиции изначально имели существенные отличия. Полиция в городе создавалась как профессиональная служба. В основу ее деятельности легли соответствующие нормы российского законодательства, которые точно определяли компетенцию тех иных должностных лиц. За пределами городов, в сельской местности, где в изучаемый период проживала преобладающая часть населения империи, ситуация оказалась принципиально иной. Наиболее существенную роль здесь играли старинные общинные нормы, патриархальный, сложившийся на протяжении столетий уклад сельской жизни.

Городское влияние постепенно проникало в деревню, вызывая все более заметные противоречия между старшим поколением и молодежью, наиболее активно отказывающейся не только от родительского контроля, но и от устоявшихся в сельской местности норм поведения, основанных в числе прочего, на нормах обычного права. Между тем повседневный социальный контроль над поступками индивидов осуществлялся преимущественно на основе проверенной веками традиции. Российское правительство пыталось решать серьезные и многочисленные противоречия, назревавшие в сельской местности, преимущественно полицейскими методами, путем нарастающей регламентации жизни податных сословий, «посредством издания массы нормативно-правовых актов» [14, с. 109] и создания новых полицейских должностей: урядников, а затем и стражников, призванных действовать преимущественно на селе. Сфера действия норм обычного права постепенно сокращалась, но его полное устранение из повседневной жизни в рассматриваемый период оказывалось недостижимой задачей.

Список литературы:

1. Архив Санкт-Петербургского института истории.
2. Балагуров Я.А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII-XIX вв. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 352 с.
3. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2012. 124 с.
4. Георгиевский Э.В. К вопросу об обычном праве и его основных признаках // Сибирский юридический вестник. 2009. № 3. С. 46-54.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
6. Колясников Н. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 6. С. 56-57.

7. Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. 69 с.
8. Лялош А. Сельская община в Олонецкой губернии // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 119-135.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
10. Национальный архив Республики Карелия.
11. О земской полиции и о сельских начальствах: голове, старшинах, десятских // Полиция России: Документы и материалы. Саратов: Издательство Саратовской академии права, 2002. С. 98-99.
12. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М.: РОССПЭН, 1994. 396 с.
13. Плоцкая О.А., Кухарчук А.В. Институты уголовного и административного права в обычном праве у коми (зырян) в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. С. 131-135.
14. Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.). Рязань: Дело, 2001. 362 с.
15. Соколов И.И. Судья–земля // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 64. С. 716-717.
16. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 248 с.
17. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 142-147.
18. Фукс В. Суд и полиция. СПб., 1881. Ч. 2. 314 с.
19. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. М.: Прогресс-Академия, 1993. 192 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.